

На долю этой женщины, и в старости удивительно красивой, выпало многое. Ее приветствовал в свите блистательной Колонты шведский король Густав V... А оперуполномоченный НКВД Шварцман, размахивая перед ее лицом кулаком с зажатой в нем свинчаткой, материл и грозил отдать на утеху конвоирам. Великий Альтман, увековечивший Ахматову в лиловом наряде, водил по Лувру, потом, счастливый согласием, писал ее портрет... А урки в Потье проиграли в карты, потому что на ней была приглянувшаяся им красная кожаная куртка.

Фрада Григорьева, арестованная в тридцать седьмом, вскоре после того, как чекисты убили и убили ее мужа — известного журналиста, литературоведа Ивана Михайловича Беспалова, — ни словом, ни жестом не предала его: об этом я узнала из следственного «Дела № 14471». Причина не только в ее «генной» стойкости, личном — я сказала бы даже агрессивном — мужестве, но и в том окружении, в котором нежданно-негаданно оказалась смолоту девочка из Луганска.

Уроки порядочности, совестливости, что ей преподали самые яркие личности двадцатых-тридцатых годов, не прошли даром! В том числе — уроки дружбы Владимира Маяковского, который добровольно и совершенно бескорыстно взял на себя опеку над юной девушкой из провинции. Тогда его в самое сердце ранило то, что была она круглой сиротой...

Если читателей заинтересует судьба Фрады Беспаловой и еще трех женщин, безвинно репрессированных при Сталине, они смогут прочесть о них в готовящейся к изданию книге одного из первых лауреатов премии Союза журналистов России, дочери «врага народа» Валерии Гордеевой «РАССТРЕЛ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ», которая имеет подзаголовок: «Невыдуманный роман в четырех повестях о любви, предательстве, смерти, написанный «благодаря» КГБ».

Валерия
ГОРДЕЕВА

«НА ПАМЯТЬ О НАС!»

Про «Володичку» Маяковского, который умел дружить

— У вот, почти пришли...

Асеев, несший две тяжеленные корзины снети от Елисеева, сделал последний поворот по крутой и абсолютно темной лестнице. Фрада, телепавшаяся сзади и все время расшвыривавшая ногами стада кошек, как ей объяснили, с облегчением вздохнула. Вот это высота: девять этажей! Полчаса, наверное, поднимались...

Ксаник, жена Асеева, взяв какие-то свертки, первая поспешила вверх: там уже собрались гости на день рождения Коляды, как она называла мужа. А они еще тащились.

...Встретились сегодня совершенно случайно возле Елисеевского гастронома. Ксана первая ее узнала и затормозила, заахала:

— Коляда, помнишь, я тебе рассказывала про круглую сироту из Луганска? Это она. — И к Фраде: — Сейчас же едем к нам, все уже ждут. Потом поболтаем. Я ведь о вас давно ничего не знаю!

Взяли извозчика на «дуги» и поцокали кратчайшим путем на Мясницкую, к старинному «Чаю» где во дворе ВХУТЕМАСа жили Асеевы.

Наконец перед глазами Фрады что-то забрезжило. Пригласилась. Слово выведенное узким электрическим лучом буква «П». С радостью поняла: дверь, а там, за ней — свет, люди, а не ужасные кошки... Даже, на радость, сказала об этом Коляде.

— Да не кошки это, а крысы. Просто я не хотел пугать...

Что было дальше, Фрада помнит плохо. Судя по рассказам очевидцев, раздался дикий крик, распахнулась дверь, и в комнату впала — именно «впала», другого слова не подберешь — юная незнакомка с искаженным лицом, безумными глазами и выставленными вперед ладонями, которыми она навалилась на незапертую дверь. Довольно долгую, как на театральной сцене, паузу прервал высоченный плечистый мужчина, поднявшийся из-за стола и произнесший хорошо поставленным голосом, с нарочитыми паузами:

— Все

— рады!

— рада!

А она по-прежнему стояла, выставив вперед ладошки и плохо понимая, где оказалась, что это за люди, заполнившие большую комнату, и откуда громадный человек знает ее необычное древнееврейское имя, которые выбрала мама. А папе, поляку, Григорию Браславскому, до этого не было никакого дела: он «работал профессиональным революционером», не вылезал из тюрем.

Потом, немного прийдя в себя, успокоенная Ксаником и миловидной женщиной, помогавшей той сервировать стол — как оказалось, Женей Пастернак, супругой поэта, молчаливо сидевшего среди гостей, — начала мучиться мыслью, где она могла видеть этого могучего мужчину, что так странно встретил ее. И тут же встрепенулась: «Да это Маяковский! И приветствие его — стихотворный экспромт! А про имя Ксана, конечно, уже успела сказать...»

Фрада много знала стихов Маяковского. Вернее, знал Манюля, двоюродный брат, в чьей неласковой семье, рано осиротев, она воспитывалась. Юноша разучивал их обычно перед зеркалом, отрабатывая нужные ему позы. А Фрада, глядя на эти бесконечные репетиции, легко все запоминала. Ну и, конечно, жесты брата. И вот она — в огромной комнате, бывшей дореволюционной кухне, набитой людьми.

— Идите сюда, Фрада! — позвал Маяковский. — Здесь есть местечко... А ну, Исачок, подвинься, — ласково сказал он полноватому невысокому мужчине, сидевшему, как и все, на досках, положенных на табуреты и тянувшихся вдоль всего длинного стола.

Фрада смутилась: тесно очень, кто-то устроился даже на подоконнике, но его почему-то не зовут... Вот тот, например, с бородкой клинышком? Перехватив вопрошающий взгляд Фрады, Маяковский успокоил ее:

— Это Луначарский, нарком просвещения. Он всегда усаживается на подоконнике: ему так нравится.

Фрада в некоторой растерянности подошла к Маяковскому, тот помог ей переступить через доску и еще раз напомнил соседу:

— Двигайся, двигайся, Исачок! — Потом негромко сказал Фраде: — Это Бабель. Слыхали про такого? Да, кстати. Зовите меня Володичкой. Ладно?

Он стал негромко называть собравшихся: Лилия Брик, Эйзенштейн, Качалов, Розенфельд, Пудовкин, Кирсанов, Мейерхольд, Рейх... И так далее, и так далее.

Потом, выпив шампанского из разномастных сосудов, тот продекламировал «Синих гусар». Затем стали просить «Володичку». Маяковский был не в настроении, отказывался... Тогда взялся читать Качалов. Все слушали с удовольствием, но автор морщился:

— Нет, нельзя мои грубые стихи читать таким бархатным голосом... Эй, Семка, покажи, как надо меня читать! — попросил он Кирсанова. И, когда тот закончил, произнес равнодушно:

— Уже лучше.

И вдруг Ксана внесла оживление:

— Пусть Фрада почитает. У нее здорово получается! Я ее слушала в Луганске.

Сначала — обескураженный, а потом — взявший себя в руки, Владимир Владимирович тоже попросил новую знакомую почитать что-нибудь «из него», и Фрада с усилием поднялась на ослабевших ногах,

— «Хорошее отношение к лошадям!» — объявила она громко, вспомнив многочисленные репетиции Манюльки. И вдруг успокоилась.

— Били копыта.

— Пели будто:

— Грив.

Грив.

Грив.

Грив...

Все в удивлении замерли, а Маяковский, сидевший до того с опущенной головой, не просто поднял ее, а весь аж извернулся, глядя на Фраду снизу вверх. И откуда в этой пигалице, чуть выше стола, такая сила? Такой голос? Такие жесты? Да его опытные мужики читать не умеют, а эта малышка — умеет!

— Деточка,

Все мы немощно лошади.

Каждый из нас по-своему лошади...

Фрада уже не помнила, где она, кто ее слушает: она была далеко отсюда — в своем несчастном сиротском детстве, в своих горестях и обидах. В прозрачных, с зелеными всполохами глазах стояли слезы, когда она заканчивала:

— И все ей казалось —

Она — жеребенок...

Да, ни Качалов, ни даже «Семка» Кирсанов не сорвали таких аплодисментов, как эта малюсенькая провинциалочка.

— Фрада принята в «ЛЕФ!» — закричал возбужденный Маяковский.

— Извините, а зачем вы приехали в Москву? — поинтересовался вдруг Эйзенштейн.

Она не успела ничего ответить, как вмешался «Володичка»:

— Ты возмешь ее в кино и сделаешь из нее звезду.

— Не сделаю: она курносая и большеухая... И вообще я не люблю снимать! — кисло закончил всемирно известный режиссер.

— Ах, я же забыл: тебе нравятся женщины, у которых рот, как куриная жопка... — не унимался Маяковский. — Ладно, Фрада пойдет у нас по литературной части. Правда, Исачок?

Тот, довольный, утвердительно покачал головой и нарспев ласково произнес: «Фра-де-ле...» то есть «Фрадошка»...

Так, в один вечер, молоденькая девушка покорила столичную интеллигенцию. Про «Левый фронт искусств» — и не говорю... Так она подружилась с Маяковским, который, словно настоящий чербер, охранял «круглую сироту» от любителей «хахалиться»: был в то время такой термин.

Лилия в какой-то момент, по ее собственному признанию, немного забеспокоилась, хотя их любовь с Маяковским была в самом разгаре. Но вскоре убедилась, какие чувства движут Володей и как относится сама Фрада. Тем более что у той вскоре начался очень серьезный роман...

— Ксаник сказала мне, что ты влюбила в этого длинного Ивана Беспалова? — В компании Маяковского все были, с его легкой руки, на «вы». («Ты — дурак» — сказать просто, — объяснял он Фраде. — А «вы» — дурак — сложно...») Фрада рассердилась за такое небрежное упоминание Беспалова, что было редко, особенно в адрес Маяковского:

— Это вы, Володичка, — длинный, а Иван — высокий!

Тот хмыкнул, и они пошли дальше бульварами, своей проторенной уже ежедневными прогулками дорожкой: от церкви, что неподалеку от «Дома Герцена», о котором Маяковский, на глазах Фрады, мгновенно сочинил экспромт: «Хрен-цена — До-му Гер-це-на», и Таировского театра, где он обычно поджидал ее «на палерти с протянутой рукой», как шутил по телефону, или в записочках, приносимых ей мальчишками-курьерами в Богословский переулок, где она жила, — до храма Христа Спасителя.

Путь не длинный и не короткий, а именно такой, что им требовался. Перед возвращением назад Фрада какое-то время отдыхала на широченных мраморных ступенях храма, а «Володичка» долго смотрел у парадета на воду Москвы-реки. Потом он снова протянул своей спутнице указательный палец левой руки — такой большой и надежный, — она бралась за него всей ладошкой, и они отправлялись той же дорожкой к ее дому.

В ту пору он много ездил по всему миру. И ни разу не было, чтобы перед отъездом не объявил Лиле и ее ближайшим приятелям:

— Девочки, делайте заказы. В разумных пределах, конечно! Ксана — первая. Лилия — предпоследняя.

Голубоглазая Ксаник перед отъездом в Венецию попросила привезти панбархат под цвет ее глаз. Что-то заказала Клава Кирсанова. Что-то Лилия. А Фрада постеснялась. Да и Маяковский ничего не стал уточнять. Вскоре он вернулся и начал раздавать подарки. Радостная Ксана прижимала к себе пухлый рулон панбархата небесного цвета... Довольная Клава тоже пристально что-то рассматривала...

...Получила какой-то изыск Лилия...

— А Фрада что? — спохватились подруги почти одновременно.

Тогда Маяковский достал крошечный сверточек, перевитый лентой, и, держа его за бантик, молча протянул своей подопечной.

— Ой, так мало... — устыдились все своих увесистых подарков.

Маяковский усмехнулся:

— Да это стоит всего, что я привез!

Справившись, наконец, с ленточкой и фирменной упаковкой, Фрада развернула малюсенький пакет. Что-то свернуло, засияло, и все онемело. Перед ними лежал сплетенный из натуральных золотых нитей воротничок... Необыкновенная вещь ручной венецианской

работы! И тогда Фрада все поняла. У нее было единственное очень скромное синее платье и один белый воротничок к нему, который она то и дело стирала да гладила. Маяковский знал об этом, так как Фрада постоянно опаздывала к нему на прогулки. «Володичка» жмурился... Чего-то обдумывал... И вот — придумал!

Удивительный — даже не по сумасшедшей цене, а по щедрой сердечности — подарок Маяковского, как и многое другое, исчез во время ареста и обыска. Но память о нем и о первом наставнике, который никогда и никому не давал ее в обиду, за которым она была как за каменной стеной, осталась. И пребывает с ней до самого конца.

